

Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае

Artificial intelligence for society and government: the future has already begun in China

DOI: 10.12737/2587-6295-2020-70-79

УДК 32

Получено: 17.06.2020

Одобрено: 21.06.2020

Опубликовано: 25.06.2020

Жуков Д.С.

канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
e-mail: ineternatum@mail.ru

Zhukov D.S.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Political Science, Tambov State University
e-mail: ineternatum@mail.ru

Аннотация

В статье представлены подходы к применению искусственного интеллекта (ИИ) в политической сфере. Исследование является прогностическим и имеет целью выявление перспектив (для человека, общества и государства), которые формируются в результате возникновения в политической системе ещё одного компонента – искусственного интеллекта. Для достижения этой цели применены два основных метода. Во-первых, дискурс-анализ позиций исследователей и, во-вторых, построение сценариев, исходя из имплицитной модели, обнаруженной в изученных публикациях. Автор поддерживает тезис о том, что уже в ближайшей перспективе ведущие национальные государства будут вынуждены расширить свой контроль над приложениями ИИ, а также над агрегаторами данных, которые могут быть использованы для манипуляции массовым сознанием и поведением со стороны крупных корпораций и иностранных государств. Формирование политического ИИ, очевидно, создаст принципиальную возможность для персонификации политики относительно каждого отдельного гражданина. Это может быть использовано для поддержки «интеллектуальных» систем, обеспечивающих социальную справедливость по образцу китайского рейтинга социального доверия. Автор делает вывод, что освоение национальными государствами китайских подходов к суверенизации Интернета и использованию политического ИИ – это вопрос выживания политических систем. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00105_a.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Интернет, политика, манипуляции, суверенитет.

Abstract

The paper is dedicated to the applications of artificial intelligence (AI) in the political sphere. The purpose of this forecasting study is to identify the prospects (for a person, society and the state) that are formed as a result of the integration of AI into the political system as one of the components. Two methods are applied by the author. Firstly, this is a discourse analysis of the positions of researchers and, secondly, the construction of scenarios based on the implicit model

that was found in the studied publications. In the short term, leading nation states will be forced to expand their control over AI applications, as well as data aggregators. The reason is that AI and data aggregators can be used to manipulate mass consciousness and behavior from corporations and foreign countries. The author suggested that the formation of a political AI will create a fundamental opportunity for personification of politics regarding each individual citizen. Political AI can be used to support “intelligent” systems that provide social justice along the lines of the Chinese social credit system. The author concludes that the necessary condition for the survival of political systems is their adoption of approaches to the sovereignty of the Internet and the use of political AI.

Keywords: artificial intelligence, Internet, politics, manipulation, sovereignty.

Задачи

В политической аналитике и футурологии значимую роль продолжают играть два референтных события: во-первых, распад СССР как негативный пример и, во-вторых, сохранение и возвышение Китая как позитивный пример адаптации в быстро меняющемся мире. Призраки революций, расколов и утраты суверенитета заставляют вновь и вновь возвращаться к изучению факторов хрупкости или, напротив, жизнеспособности социополитических систем. Среди таких факторов довольно часто – и не без оснований – в литературе называется вторжение в политическую жизнь новых информационных технологий.

Наше политико-футурологическое исследование преследует цель изучить перспективы (для человека, общества и государства), которые формируются в результате возможного появления в политической системе ещё одного компонента – искусственного интеллекта (ИИ).

Исследование сфокусировано на двух объектах. Во-первых, это приложения ИИ в политической сфере. Условно обозначим этот объект как политический искусственный интеллект. Во-вторых, это платформы, на которых собираются, хранятся и, зачастую, проходят первичную обработку и систематизацию данные о гражданах. Далее для краткости будем обозначать такие платформы как агрегаторы данных. В современном информационном обществе количество таковых агрегаторов весьма велико. Конечно, много чувствительной информации об отдельных людях и их предпочтениях собирают социальные сети. Однако они не единственные агрегаторы. Есть системы, которые фиксируют все платежи, регистрируют договоры и собственность, собирают и хранят медицинские сведения, учитывают мнения пользователей и мн. др. Далеко не все такие системы являются государственными, контролируются государством или даже находятся в юрисдикции какого-либо иного государства, кроме США.

Эти два объекта, являясь, по существу, очень разными, могут быть тесно связаны технически и являться неразрывными функциональными компонентами для решения некоторых коммерческих и политических задач.

Методы

Это исследование выстроено на основании двух методов. Во-первых, дискурс-анализ позиций исследователей. Мы сосредоточили внимание на немногих репрезентативных публикациях, которые содержат обширные обзоры представлений, возникших в научном и политическом сообществе по поводу ИИ. Во-вторых, мы использовали построение сценариев, исходя из имплицитной модели, обнаруженной в изученных публикациях.

Определения

Роджер Пенроуз в известной книге «Новый ум короля» подробно обсуждает подход, допускающий возможность создания так называемого сильного ИИ. Это довольно радикальная позиция, которая предусматривает, что ИИ может воспроизвести

человеческий интеллект и, следовательно, сравняться с ним во всех ключевых аспектах, а в некоторых – превзойти.

Саму возможность создания сильного ИИ Р. Пенроуз не отмечает, хотя и относит на очень далёкое будущее, не гарантируя при этом принципиальную реалистичность сильного ИИ: «Компьютеры станут быстрее, будут обладать высокоскоростным доступом к вместительным устройствам хранения информации... и научатся выполнять большее число операций параллельно... Более того: сама философия [сильного] ИИ отнюдь не является абсурдной по своей сути. Возможно, что человеческий разум может и в самом деле быть смоделирован с очень большой степенью точности при помощи электронных компьютеров... Вероятно даже, что эти устройства и вправду будут разумными; возможно, они будут думать, чувствовать... Или же, наоборот, они не будут разумными и потребуются какие-то новые принципы...» [1, с. 49].

Итак, сегодня искусственным интеллектом, как правило, именуется такое программное обеспечение, которое, конечно, не является настоящим интеллектом, не создано, по мнению многих исследователей, по подобию интеллекта и, весьма вероятно, никогда не разовьётся до уровня интеллекта. Признавая необходимость «уважительного отношения» к этой области знания и её всемерного развития, Р. Пенроуз, тем не менее замечает: «Я не собираюсь утверждать, будто бы достижения в задаче моделирования действительного интеллекта велики (если они вообще есть)» [1, с. 49].

Естественно, поэтому возникает вопрос, что именно мы называем искусственным интеллектом, если это не интеллект в прямом смысле слова? ИИ – условное и весьма размытое обозначение разнообразного (использующего различные математические методы) программного обеспечения, которое в состоянии обучаться, расширяя тем самым свои возможности, и обрабатывать разнородные большие данные. Это даёт возможность для пользователя ставить нечёткие задачи, не формулировать в полной мере – «до конца» – алгоритм решения каждой конкретной задачи.

ИИ не может, судя по всему, эффективно обрабатывать исключения и решать задачи неизвестного ему класса, т.е. не обладает творческим началом; однако он может решать ограниченно нестандартные задачи в рамках известного класса. Это значительно расширяет возможности применения ИИ в политике, где количество нестандартных задач, условно говоря, равно количеству людей, участвующих в политической жизни.

Смыслы

Политический ИИ довольно часто представляется в футурологических изысканиях как ключевой компонент в системах принятия решений. Однако если признать, что сильный ИИ невозможен или не будет возможен в сколько-либо обозримом будущем, то перспективы ИИ как «мудрого стратега, беспристрастного судьи и неподкупного политика» существенно блекнут. Комплекс традиционных аналитических методов, используемый в системах поддержки принятия решений, очевидно, значительно превосходит «интеллектуальные» возможности ИИ. Ключевое преимущество ИИ – возможность быстрой обработки больших данных с нечётко сформулированными задачами. Это преимущество делает ИИ пригодным для мониторинга поведения и мышления, а также для выработки персонализированной политики относительно огромного множества отдельных людей.

ИИ способен «увидеть» буквально каждого гражданина – его жизненную траекторию, позицию, характеристики, поведение, настроения, мотивы и цели – и выстроить политику специально для него. Агрегаторы данных делают прозрачным любого человека, если он по той или иной причине попал в поле зрения владельцев или иных привилегированных пользователей. Но современные люди излучают настолько много информации о себе, что ни одна сколь угодно разветвлённая «человеческая» организация не может отразить всех граждан как отдельные единицы. Некий достаточно могущественный наблюдатель может видеть любого человека, но не может одновременно

осмыслять, что делает каждый из нас, и что необходимо предпринять относительно каждого из нас. Создание политического ИИ позволит решить эту задачу.

Следовательно, политический ИИ откроет возможности полной персонализации политики – политики некоего субъекта (будь то общество, государство, мега-корпорация, спецслужбы и пр.) по отношению к отдельному гражданину.

Угрозы

Угроза «тотального государственного контроля», которую несут, якобы, ИИ и агрегаторы данных, имеет преимущественно гипотетический характер. Однако в литературе обозначены две иного рода угрозы, которые на данный момент материализовались в эмпирически наблюдаемых фактах. Это, во-первых, приватизация ИИ и агрегаторов и, во-вторых, узурпация контроля над ними со стороны США.

Оба эти явления обсуждает П. Немитц в рамках понятия «концентрация цифровой власти» (digital power concentration). Автор следует континентально-европейскому стилю осознания и решения проблем, для которого свойственна рефлексия остроты болезни, сочетающаяся с рецептами лечения на основе многочисленных мелких регуляций.

П. Немитц исходит из классического тезиса о том, что «возможности ИИ, основанные на больших данных и объединённые с повсеместной распространённостью устройств и датчиков Интернета вещей, в конечном счёте, будут управлять основными функциями общества – от образования, здравоохранения, науки и бизнеса до правосудия, безопасности, обороны, политического дискурса и демократического принятия решений» [7].

Уже сам по себе этот факт – если это признаётся фактом – делает совершенно очевидной необходимость отстранить от управления этой сферой частные корпорации и иностранные государства. П. Немитц вплотную приближается, но не занимает подобную позицию: «Глубокие карманы, деньги являются классическим инструментом влияния на политику и рынки. Цифровые мега-игроки могут позволить себе не только инвестировать значительные средства в политическое и социальное влияние, но и покупать новые идеи и стартапы в области искусственного интеллекта...

Помимо неформального влияния, основанного на деньгах, эти корпорации все больше контролируют инфраструктуру публичного дискурса и цифровую среду, определяющую выборы. Ни один кандидат в демократическом процессе сегодня не может позволить себе не полагаться на их услуги. А их Интернет-сервисы все чаще становятся единственным или главным источником политической информации для граждан и, особенно, для молодого поколения» [7].

Кроме того, «мега-корпорации занимаются сбором персональных данных для получения прибыли и составлением профилей любого из нас на основе нашего поведения и в Интернете, и в офлайне. Они знают о нас больше, чем мы сами или наши друзья, – и они используют и делают доступной эту информацию для получения прибыли, для наблюдения и... избирательных кампаний. Они извлекают выгоду под предлогом расширения прав и возможностей людей, даже несмотря на то, что они централизуют власть в беспрецедентных масштабах. Облако и профилирование являются ключевыми инструментами централизации» [7]. Известный пример применения профилирования в ходе избирательной гонки в Сети даёт президентская кампания Трампа в 2016 г. [4].

Необходимо заметить, что под «персональными данными» понимаются в данном контексте намного более обширные данные, нежели те, которые обозначены этим термином в российском законодательстве. Человек излучает огромный поток информации. Какие ролики Вы лайкаете, какие сообщения репостите, какие покупки делаете, куда идёте, где отдыхаете, что и как комментируете, какую музыку слушаете, над какими шутками смеётесь, с кем дружите – все эти данные не попадают (в отличие, например, от номера паспорта) в категорию охраняемых «персональных данных». Между тем, именно эти сведения являются основой для профилирования и достижения

прозрачности человека. Для манипулирования массами и личностью именно такие сведения бесконечно более важны, нежели номера паспортов. В рамках китайской модели Интернета подробные данные находятся в рамках замкнутого суверенного информационного пространства. В российской версии с большим трудом и в течение длительного времени удалось установить суверенный контроль лишь над верхушкой айсберга личностных данных – над формальными «персональными данными».

Вернёмся к П. Немитцу: «Именно этот набор властных возможностей в руках немногих (то есть власть денег, власть над инфраструктурой демократии и дискурса, власть над индивидами на основе профилирования, а также доминирование в инновациях в сфере ИИ) следует рассматривать в совокупности. Интернет-гиганты это единственная в истории группа корпораций, которым удалось сохранить свою продукцию в значительной степени нерегулируемой, доминировать на рынках и быть наиболее прибыльными на вершине фондовой биржи, оказывать значительное влияние на общественное мнение и политику и, в то же время, оставаться в значительной степени популярными среди широкой общественности... Google раскрыл своё мировоззрение относительно верховенства права: во-первых, автоматизация предоставления услуг физическим лицам должна оградить посредника, использующего эту технологию, от любой юридической ответственности... Во-вторых, если и должна существовать какая-либо форма регулятивной ответственности, то это может быть только один глобальный режим, в рамках американского права и на основании решений американских судей. Это идеально подходит для Google с точки зрения снижения затрат на ведение бизнеса в различных юрисдикциях. Это также полностью соответствует задачам [Интернет-гигантов] по поддержанию глобальной структуры Интернета, не фрагментированной национальным регулированием, что делает правосудие гораздо более трудным для граждан/резидентов не из США» [7].

Выход их ситуации видится П. Немитцу, как упоминалось, в многочисленных регулятивных нормах, которыми европейские законодатели должны «обвесить» американских Интернет-гигантов. В противовес такой надежде, заметим: если Google, Facebook и т.п. – это зло (а именно к такому мнению, очевидно, склоняется П. Немитц), то сущность этого зла заключается в воздействии нелегальных и нелегитимных инфлюэнтеров на сознание и поведение рядовых французов, немцев, русских или бразильцев. И в этом смысле невозможно сделать Интернет-гиганты в Европе европейскими, а в России – российскими. Любые частные регуляции не смогут изменить сущность феномена.

Если верно предположение, что пик глобализации пройден, то следует предположить, что социальные сети и иные критически важные глобальные системы уже в недалёком будущем будут локализованы в юридических и, вполне вероятно, географических границах национальных государств (точнее – ведущих национальных государств).

Опыты

Система сбора и агрегирования данных (в том числе политических или потенциально политических данных) о гражданах имеет смысл только будучи дополненной искусственным интеллектом. В свою очередь, ИИ может быть создан (т.е. обучен) и применён только в связке с системой сбора и агрегирования данных.

Наиболее масштабным опытом создания такой системы является китайский рейтинг социального доверия (social credit system) – РСД. Каждый отдельный инструмент в рамках рейтинга, в сущности, не является уникальным или революционным, однако применение их в совокупности представляет собой новую парадигму социального (и, как следствие) политического строительства. Итак, самая значимая (и, возможно, единственная) инновация, которая была внесена творцами РСД в существующие практики социального рейтингования и применения политического ИИ, заключалась во всеобщности и централизации таковой системы.

Заметим также, что это не отменяет гибкости и многообразия. Р. Криммерс указывает, что рейтинг «более корректно следует представлять как экосистему инициатив, в целом разделяющих схожую логику». Он также считает, что, «несмотря на большие данные и искусственный интеллект, РСД остаётся относительно простым инструментом» [3].

Тем не менее этот опыт, мы уверены, формирует мейнстрим вне зависимости от наших субъективных предпочтений. Как заметили Д. Мак-Шисей и М. Симс, не следует предполагать, будто «всё то, что происходит в Китае, остаётся в Китае».

Каковы, в общих чертах, принципы работы РСД?

Во-первых, система обеспечивает взаимодействие агрегаторов данных (т.е. обмен, централизацию и систематизацию информации о гражданах, предприятиях, учреждениях и иных институтах). Пока в литературе не приведён полный список платформ, которые реально являются источниками РСД, но не существует принципиальных препятствий для интеграции сведений из соцсетей, банков, органов правопорядка, магазинов, медицинских заведений и пр. Формализация (исчисление) и обработка этих данных средствами искусственного интеллекта позволяет сформировать рейтинг надёжности граждан, фирм, организаций и локальных правительств в Китае [5].

На этом рейтинге основана система порицаний / вознаграждений, в рамках которой определяется, могут ли граждане и организации получить доступ к таким вещам, как образование, право заниматься коммерческой деятельностью, социальные льготы, пользование некоторыми видами транспорта, проживание в определённых местах, лечение в хороших больницах и, возможно, успешная карьера и социальное продвижение.

Сейчас система порицаний / вознаграждений выглядит довольно просто и включает в себя чёрные списки граждан (стоп-листы) и красные списки (открывающие привилегированный доступ). Причём, на данный момент наибольшее значение система имеет не в политической, а в экономической сфере. Неблагонадёжные плательщики (по банковским кредитам или налогам), попадая в стоп-листы, испытывают существенные трудности с кредитованием и поиском коммерческих контрагентов.

Тем не менее официально декларированные цели РСД не ограничиваются исчислением финансовой кредитоспособности отдельных лиц и компаний, но и предусматривают поощрение таких социальных добродетелей как искренность, честность и добросовестность.

Безусловно, РСД имеет и политический смысл, поскольку вычисляет, вероятно, лояльность граждан. Например, правительство Китая разрешило более сорока пилотным городам экспериментировать с критериями доверия. Пилотные города устанавливают собственные критерии и начисляют баллы по ним в дополнение к общекаитайской системе РСД. Так, в Тибете и в Синьцзян-Уйгурском автономном округе (где могут быть опасны исламистские и сепаратистские настроения) «проводится особенно интенсивный мониторинг использования Интернета, а также тщательно разработаны требования к регистрации и идентификации личности» [6].

Не трудно заметить, на данный момент точных сведений об РСД не слишком много (как у сторонников системы, так и у её критиков). Во многом это обусловлено тем, что система, создаваемая с начала 2000-х гг., пока находится в стадии тестирования и развития.

Д. Мак-Шисей и М. Симс следующим образом резюмируют назначение РСД: «В двух словах, основным нововведением, когда РСД будет полностью реализован, может быть то, что каждый гражданин Китая получит оценку, измеряющую его искренность, честность и порядочность. И что эта оценка станет основным фактором, определяющим жизнь граждан Китая. Например, РСД определит, может ли гражданин получить кредит, арендовать квартиру, купить билет на самолёт или получить привилегированный доступ к больницам, университетам и государственным службам» [6].

Западный взгляд на РСД преимущественно инстинктивен: рейтинг третируется как «большой брат», «тоталитаризм», «оцифровка» и «расчеловечивание». РСД в этой логике рассматривается как антипример для других стран.

Однако сторонники РСД указывают, что рейтинг воплощает (посредством инструментов, свойственных киберобществу) естественные для Китая представления о справедливости. И более того – подобные представления (и, в конечном счёте, сам РСД) можно признать естественными и для западных стран.

РСД использует именно западные – технократические – подходы к применению исчисляемых индикаторов для оценки институтов и персон. Сама по себе рейтинговая система не представляется «исключительно китайским» методом социального реинжиниринга и является всего лишь логическим и передовым воплощением имеющихся глобальных тенденций.

Д. Мак-Шисей и М. Симс обращают внимание, что введение количественных показателей (индикаторов) во всех сферах жизни это общемировой, а не только китайский тренд: «Эволюционирующие формы китайской системы следует рассматривать как конкретный пример более широкого явления. В конце XX века возросла популярность [числовых] ключевых показателей эффективности..., что стало частью новой революции в области государственного управления» [6].

Сбор данных о корпоративной и индивидуальной эффективности, честности, лояльности и квалифицированности является, в сущности, повсеместным явлением. Программы госфинансирования в Европе, США и России нацелены на достижение некоторых количественных показателей, подменяющих собой цели. Университетам присваиваются рейтинговые баллы на основе некоторых критериев, а внутри университетов функционируют рейтинги, как для студентов, так и для преподавателей. Кредитные рейтинги для персон и организаций, а также рейтинги доверия для юридических лиц стали нормой экономической жизни. На многочисленных сетевых платформах (будь то сообщество блогеров, форум, Интернет-магазин или система совместного пользования) происходит исчисление некоторых показателей каждого пользователя, которые используются другими пользователями для формирования того или иного уровня доверия к нему. Многочисленные квалификационные требования для занятия тех или иных должностей в госаппарате также, в сущности, являются появлением неявного рейтингования. Персонализация пассажиров при пользовании ключевыми видами транспорта не оставляет сомнения в существовании скрытых стоп-листов. Сетевое общественное мнение также функционирует как хаотичный составитель своего рода «стоп-листов»: публичное выражение взглядов, противоречащих общественной норме (хотя и не противоречащих закону), может привести к увольнению и к социальной изоляции.

Д. Мак-Шисей и М. Симс отмечают: «Онлайн-доверие включает в себя “цифровой социальный капитал” и различные средства сертификации и валидации участников рынка. Аналогичным образом, недавно Facebook подтвердил, что поддерживает внутреннюю систему, посредством которой все пользователи оцениваются по степени “надёжности”. Хотя текущая функциональность этого рейтинга, по-видимому, ограничена и используется во внутрикорпоративных процессах Facebook для обеспечения соблюдения своих собственных правил в отношении пользователей. Таковые современные подходы, однако, опираются на длительную историю, в ходе которой развивались способы для определения надёжности отдельных лиц» [6].

Фактически, население западных стран и России находится в среде перенасыщенной системами рейтингования. Многие подобные системы ускользают от публичного контроля и используются против личности и общества. Более того, текущее положение дел точно воспроизводит оруэлловский тезис: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие». Критерии, которые лежат в основе формирования репутации и жизненного успеха, в такой ситуации не являются одинаковыми для всех, всем

известными и, тем более, всеми одобряемыми. Кто-то оказывается вне всякой публичной системы оценок, а кто-то – невинной жертвой многочисленных рейтингов.

Введение РСД в Китае указывает на то, что современное общество (и не только китайское) нуждается в том, чтобы поставить ИИ и рейтинги под контроль государства – публичного легитимного органа, действующего от лица всего общества, а не частных корпораций или США. «КНР рассматривает ИИ, – отмечает С.Н. Федорченко, – как дополнительный элемент для упрочения легитимности существующего политического режима. В России же... в отличие от Китая пока нет четкого понимания по использованию ИИ в качестве просветительской “мягкой силы” во внутриполитической сфере» [2].

«Китайская система, – заключают Д. Мак-Шисей и М. Симс – не является столь уж уникальной или даже оруэлловской. Китайский рейтинг социального доверия, [который] делает ранее несопоставимые элементы видимыми и сопоставимыми,... нормализует сбор и передачу данных и позволяет применять более эффективные методы представления и анализа... В [официальных целеполагающих] документах упоминаются такие задачи как содействие “честности в правительственных делах”, “коммерческой честности”, “социальной целостности” и “общественному доверию”».

Оценки

Попытки Китая создать РСД третируются с высоты западной антиутопической литературы. Но внутри Китая РСД рассматривается, скорее, как кибервоплощение справедливости. Полагаем, что речь идёт, на самом деле, не о какой-то «китайской специфичной» справедливости, а о такой справедливости, которая разделяется, по меньшей мере, и русскими, и многими западными народами.

Какие вопросы будет с тревогой задавать себе человек будущего? «Смогу ли я въехать в крупный город или сесть на поезд, если мой сын – террорист?», «Смогу ли поступить на преподавательскую должность в школу или университет, если я допускал русофобские высказывания?», «Смогу ли я рассчитывать на достойную пенсию, если я лайкал посты с чайлдфри-призывами?», «Смогу ли я поселиться в хорошем районе, если мне доводилось вести бизнес с мафией?», «Смогу ли я приобрести оружие, если у меня несколько штрафов за грубое вождение?»... Возможно, общество будет значительно совершеннее и стабильнее, если подобные вопросы будут хотя бы теоретически возникать и осмысляться гражданами.

Создание политического ИИ – это, возможно, неизбежный шаг к обществу справедливости. Довольно долго социальный строй западных стран легитимировался через отсылки к равенству возможностей как ключевому (и, в сущности, единственному) механизму реализации меритократии. Социальная дифференциация, в рамках таких воззрений повторяет естественные различия в талантах и усилиях, которые люди вложили в свой успех. Так возникает меритократия – социальный строй, где каждый занимает заслуженное место и пользуется благами, обусловленными его достоинствами и вкладом в общее процветание. Однако представления о чудодейственной силе равенства возможностей оказались поколеблены в эпоху глобализации, что проявилось в росте социальной ненависти во многих странах. Общества испытывают всё возрастающую тягу к осязаемой справедливости для каждого вместо абстрактного равенства возможностей для всех. Справедливость всё чаще становится синонимом конкурентоспособности в экономике и легитимности в политической сфере. Такая справедливость технически невозможна без политического ИИ.

Однако над массовым сознанием довлеет художественная литература. Классическая русская литература искажает наше понимание российской истории. Утопии и, в равной мере, антиутопии искажают наше понимание политики.

Какие прогнозы верны: оптимистические или пессимистические? Это зависит от того, будет ли ИИ национализирован и, следовательно, поставлен под контроль публичной власти, имеющей право действовать от имени всего общества. Или ИИ останется

приватизированным и, следовательно, используемым в масштабе всего общества, но в частных и непубличных интересах.

Конечно, национализация политического ИИ представляет собой не монополизацию государством некоего «чудесного программного обеспечения». Это, главным образом, национализация (не всегда в форме огосударствления) платформ-агрегаторов, на которых собирается, хранится, передаётся и обрабатывается информация, необходимая для функционирования политического ИИ. В общем объёме таковой информации «персональные данные» занимают лишь незначительное место. В сущности, вся информация, которая делает индивида прозрачным и, тем самым, позволяет влиять на формирование социального и политического образа мыслей и поведения, должна быть поставлена под контроль национальных государств – т.е. публичной власти, непосредственно и легально признанной индивидом.

Успехи в разработке политического ИИ в самом ближайшем будущем вполне вероятно приведут к столь быстрому росту угроз для массового сознания и политической стабильности, что социальные сети перестанут быть глобальными. Один и тот же Facebook, YouTube, Википедия и Твиттер для Бразилии, Монголии, России и Нидерландов – это сравнительно недавнее достижение Интернет-гигантов, которое кажется теперь необъемлемой частью нашей жизни и единственным предназначением Интернета. Но, возможно, эта реальность исчезнет столь же быстро, как и возникла, если национальные государства лишь немного повысят приоритет этих угроз. Глобальная сеть задумывалась (во всяком случае, подавляющим большинством её творцов и участников) как способ обмена информацией, но не как способ влияния.

Освоение национальными государствами китайских подходов к суверенизации Интернета и использованию политического ИИ – это уже не вопрос вкуса («предпочитаете ли Вы украинские вареники или китайскую лапшу?»). Это вопрос выживания политических систем.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00105_а.

Литература

1. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. – Москва: УРСС, 2011. – 400 р.
2. *Федорченко С.Н.* Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и "мягкой силы" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 41–53. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53.
3. *Creemers R.* China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control // SSRN Working Paper. – 2018. URL: DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3175792>.
4. *Kane T.B.* Artificial Intelligence in Politics: Establishing Ethics // IEEE Technology and Society Magazine. – 2019. – Vol. 38. – № 1. – P. 72–80. DOI: 10.1109/MTS.2019.2894474.
5. *Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M.M.* Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // Policy & Internet. – 2018. – Vol. 10. – № 4. – P. 415–453. DOI: 10.1002/poi3.183.
6. *Mac Sithigh D., Siems M.* The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? // The Modern Law Review. – 2019. – Vol. 82. – № 6. – P. 1034–1071. DOI: 10.1111/1468-2230.12462.
7. *Nemitz P.* Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. – 2018. – Vol. 376. – № 2133. – P. 20180089. DOI: 10.1098/rsta.2018.0089.

References

1. Penrose R. *Novyy um korolya: O komp'yuterakh, myshlenii i zakonakh fiziki* [The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics]. fiziki. M., URSS Publ., 2011, 400 p. (In Russian).
2. Fedorchenko S.N. Znachenie iskusstvennogo intellekta dlya politicheskogo rezhima Rossii: problemy legitimnosti, informatsionnoy bezopasnosti i "myagkoy sily" [The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: Problems of legitimacy, information security and soft power]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, I. 1, pp. 41-53. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53. (In Russian).
3. Creemers R. China's social credit system: An evolving practice of control. *SSRN Working Paper*, 2018. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3175792>.
4. Kane T.B. Artificial Intelligence in Politics: Establishing Ethics. *IEEE Technology and Society Magazine*, 2019, V. 38, I. 1, pp. 72–80. DOI: 10.1109/MTS.2019.2894474.
5. Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M.M. Constructing a data-driven society: China's social credit system as a state surveillance infrastructure. *Policy & Internet*, 2018, V. 10, I. 4, pp. 415–453. DOI: 10.1002/poi3.183.
6. Mac Sithigh D., Siems M. The chinese social credit system: A model for other countries? *The Modern Law Review*, 2019, V. 82, I. 6, pp. 1034–1071. DOI: 10.1111/1468-2230.12462
7. Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 2018, V. 376, I. 2133, pp. 20180089. DOI: 10.1098/rsta.2018.0089.